

ЭВОЛЮЦИОННАЯ ТЕОРИЯ И НАРЦИССИЗМ

С.Т. АГАРКОВ

Современная наука о человеке становится все более «технологичной». Скоро исполнится десять лет со времени расшифровки генома человека; сегодня эта процедура уже стала быстрой и относительно недорогой. Расшифрованы геномы древних предков современного человека, типовые геномы европейцев и славян, геномы многих животных. Открыт так называемый феномен «ген-нокдауна», позволяющий выключать «плохие» гены, значительно продвинулись генетические исследования соматических и психических заболеваний, а также механизмов старения. Прогресс фармакологии уже сегодня позволяет контролировать многие неизлечимые заболевания. Современные методы визуализации (компьютерная томография, магниторезонансное и ультразвуковое сканирование) не только выявляют минимальные нарушения мозговых структур, но и используются при исследовании реакций мозга в экспериментальной психологии. На очереди внедрение отработанных методик с применением стволовых клеток и нанотехнологий, создание биотехнологических протезов и искусственных органов.

На фоне этих прорывных инноваций возрождение интереса к психоанализу в конце XX — начале XXI веков выглядит странным анахронизмом. Столетие назад психоанализ сам возник как психологический ответ на эволюционную теорию Чарльза Дарвина и поразительно быстро завоевал умы современников. По мере развития и модернизации психоаналитических идей в западной психологии базисные постулаты фрейдизма постепенно оттеснялись новыми направлениями, а с внедрением в психиатрию стандартов так называемой «доказательной» медицины из технологий диагностики и терапии сместились в сферу оттеночных технологий контакта консультанта и клиента. Таким образом, в эпоху тотальной стандартизации и жесткого лоббирования фармбизнесом страховых выплат в психиатрической практике на Западе психоанализ остается одним из немногих, ориентированных на клиента, методов преодоления психологических проблем даже в условиях глобального кризиса. В России, где стандартизация медицинской практики далека от завершения, психоанализ имеет даже больше шансов на существование, несмотря на отсутствие культуры психологического сопровождения проблемных периодов жизни.

Эта особенность психоанализа хорошо прослеживается на модели сексологической практики. Сама научная сексология возникла под непосредственным влиянием фрейдизма и развивалась в непрерывной дискуссии с ортодоксальным психоанализом. Обрыв пуповины и автономизация науки о сексе произошли в 30 — 40 гг. XX в. под влиянием идей синтетической теории эволюции, прояснившей не толь-

ко роль, но и популяционно-генетические механизмы полового отбора, а также широких антропологических исследований, в первую очередь реализованных Маргарет Мид. Собственно, первое стандартизированное параметрирование сексуальности в различных культурах, предпринятое Альфредом Кинзи, было логическим завершением этого цикла. «Точкой невозврата» сексологии в чрево психоанализа оказалась широкая вариация индивидуальных и поразительная идентичность групповых параметров сексуальности у представителей различных рас, национальностей и культур, включая религии и социальный уклад, в разных климатических поясах и геополитических условиях. Отделившись от психоанализа, сексология долгий период оставалась респонсивной к его постулатам и охотно использовала наработки психоанализа в развитии контакта между врачом и пациентом, пока сама едва не оказалась в разряде ископаемых дисциплин.

Ситуация коренным образом изменилась с появлением новых методов стимуляции мужской сексуальности в 90-х годах прошлого столетия, т.е. с появлением «Виагры». С этого момента тренинг отношений и развитие сексуальности в паре все больше вытесняется варьированием дозы и комбинацией новых стимуляторов с половыми гормонами, движимыми завораживающей клиента идеей медикаментозного принуждения к сексу. Место сексологии с ее поведенческими и психосоциальными аспектами занимает так называемая «сексуальная медицина» с расширенным лабораторным «обследованием» и фармакологическим протезированием сексуальности, вплоть до «сексуальной хирургии», т.е. хирургии не столько половых органов, сколько хирургического моделирования сексуальных функций. Успехи в решении сексуальных проблем у мужчин обнажили бессилие медицины перед лицом нарастающих сексуальных проблем женщин. Сексуальная революция на фоне роста экономической и социальной независимости женщин формирует новые сексуальные запросы качественного плана, неразрешимые количественной интенсификацией мужской сексуальности. Хотя некоторые фармацевтические корпорации обещают вскоре создать «женскую Виагру», эти попытки постоянно терпят крах. Поразительно, но никто даже не пытается постигнуть эволюционную логику женской сексуальности и понять, насколько вообще адекватны и перспективны эти усилия. В синтезе сексологии и эволюционной психологии уже в XXI в. появились ответы на некоторые из этих вопросов.

Современная эволюционная теория, опирающаяся на концепцию различной роли полов в эволюции, объясняет целесообразность полового отбора созданием новых генетических комбинаций с высоким уровнем иммунитета, опережающих эволюцию паразитов (в первую очередь бактерий и вирусов) и обеспечивающих жизнестойкость последующих поколений. Носителем инноваций является мужской пол, более подверженный мутациям и спешащий инвестировать позитив-

ные приобретения в популяционный геном. Решить эту задачу мужской пол может чисто количественным путем за счет увеличения своего потомства и вытеснения из популяции некачественных «чужих» генов. Но природа оставляет прерогативу выбора за самкой, так как она отвечает за качество потомства. Именно она должна распознать позитивные мутации самца и остановить на нем эволюционный, т.е. репродуктивный выбор. Многочисленные исследования на насекомых, рыбах, птицах и млекопитающих показали, что самки предпочитают симметричных, «красивых» самцов, гарантирующих высокий иммунный статус потомства, но имеющих некоторые дезадаптивные черты (яркую окраску, пышное оперение, избыточную вокализацию и т.п.). Вектор этого выбора, именуемый «принципом гандикапа», на языке эволюционного выбора означает, что выжившая, несмотря на плохую маскировку, особь должна обладать серьезным адаптивным потенциалом, т.е. быть «умной», способной выжить самой и обеспечить потомство ресурсами для выживания. Синтетическая теория эволюции подразумевает, что такой отбор непрерывно происходит не на уровне признаков и отдельных особей, а на уровне генов и популяции в целом. В природе рецептивная самка является ограниченным ресурсом и реализует свои «избирательные» права за счет избыточной самцовой конкуренции за самку.

В человеческом обществе все происходит несоизмеримо сложнее, но многие эволюционные закономерности, тем не менее, тоже прослеживаются. Например, стремление к генетическому разнообразию в женском выборе установлено эмпирически при исследовании феномена женских измен, показавшем, что при генетической схожести супругов женщины изменяют чаще и выбирают для этих целей генетически разнородных партнеров. В другом исследовании установлено, что женский выбор бывает двойственным. В частности, для непродолжительных романтических отношений женщины предпочитают мужчин с высоким уровнем тестостерона, т.е. с большей сексуальной энергетикой, но менее отягощенных родительскими намерениями. Для семейных отношений предпочтение отдается более мягким, сочувственным мужчинам с меньшим уровнем тестостерона, но готовых проявлять заботу и активно участвовать в социализации потомства. Кстати, исследование моногамных видов, например, лебедей, показало, что при появлении потомства уровень тестостерона у самцов падает, что помогает им сохранить верность и заботу о потомстве. При введении самцам тестостерона они начисто забывали о «семье» и претендовали на новую самку. Соотношение этих выборов у современных (несомненно, эмансипированных) британских женщин выглядит как три к одному. Высокий уровень тестостерона защищает организм мужчины от ряда обменных нарушений (повышения холестерина, диабета) и сердечнососудистых заболеваний, но подавляет иммунитет и повышает риск развития рака. Мгновенная интуитивная генетичес-

кая разведка осуществляется женщиной по запаху мужского пота, несущему информацию об иммунном статусе мужчины и балансе генетических рисков. Этот процесс успешен при невысоком уровне женских половых гормонов — эстрогенов, а при его повышении, например приеме оральных контрацептивов, разборчивость в партнерских запахах утрачивается и восстанавливается только при отказе от контрацептивов. Современная парфюмерная индустрия сильно затрудняет подобную разведку и дезориентирует женское обоняние. Таким образом, эволюционно женщина запрограммирована на трезвое восприятие достоинств мужчины и пригодности его к выполнению отцовских функций. Опынение сексуальностью снижает критическое восприятие партнера и несет потенциальную угрозу жизнестойкости потомства.

Помимо подобной обонятельной генетической экспертизы чрезвычайно важен статус потенциального отца потомства. Например, самки дикоживущих шимпанзе, особенно немолодые, охотно меняют добычаемую самцами мясную пищу на «сексуальные услуги», т.е. вычесывание паразитов и копулятивные провокации. Это понижает для самки риски получения травмы на охоте при сохранении белкового рациона и мотивирует молодых самцов заслужить компетентный выбор опытной, рейтинговой самки. При подобной интеракции существенным оказывается не размер контролируемого самцом ресурса, а «шедрость», способность поделиться существенной долей добычи. Но если самка делает эволюционно мотивированный выбор, она включает весь арсенал соблазнения самца и достигает своей цели. Кстати, в питомнике с избытком пищевых ресурсов подобное поведение утрачивается.

Психологические исследования влюбленности у человека показывают, что сама влюбленность не имеет никакого отношения к собственно любви — ценностному отношению к другому. «Положившая глаз» на субъективно перспективного партнера, женщина должна разбудить в нем самовлюбленного нарцисса, избавить от ужаса остаться невыбранным и бесперспективным. Сама же она должна оставаться, по меньшей мере некоторое время, трезвой и прагматичной, чтобы вовремя исправить ошибку, если таковая всплывет в нарождающихся отношениях. Поэтому не самовлюбленная холодность, а яркая драма влюбленности, неразделенной любви и отвергнутости являются апофеозом нарциссического конфликта. Поэтому и период влюбленности у женщин примерно вдвое короче, чем у мужчин (1 — 2 года против 3 — 4 лет у мужчин), эмоциональная амплитуда куда скромнее, а критические способности в оценке партнера подавляются в меньшей степени. Все эти соображения находятся в вопиющем несоответствии с классическими представлениями о нарциссизме, во всяком случае, о его современном восприятии как разновидности фе-тишизма собственного тела.

Современная культура целиком пропитана духом нарциссизма. Пиар и самореклама из инструмента электорального состязания давно превратились в самоцель, сигнализирующую об успехе и социальном благополучии. Сегодня не только внешние атрибуты стиля жизни, но и его жизненные основы претерпевают огромные изменения. Культ молодости и сексапильности заставляет миллионы людей сидеть на диетах, прибегать к услугам пластической хирургии, потреблять сомнительные «таблетки от старости». Любой, даже временный неуспех расценивается как крах, вызывает депрессию и отчаяние. Эта обстановка заставляет общество пренебрегать такими исконными ценностями, как любовь, семья и духовное развитие. Любовь все чаще воспринимается как хлопотная и долгая «кредитная» история и подменяется техникой секса. В этих условиях даже религия воспринимается как совокупность ритуалов для сохранения фигуры, которая нужна опять-таки для продвинутого секса. В итоге секс утрачивает сакральные функции эволюционного выбора и быстро превращается в разочаровывающий суррогат, оцениваемый по физическим параметрам. Эту пустоту не могут заполнить ни кожаное эротическое белье, ни «Виагра», ни специально обученные работники коммерческого секса. Пустота зачастую заполняется алкоголем, наркотиками, игровой зависимостью.

Наверное, здоровая доля нарциссизма смогла бы гармонизировать отношения с жизнью, сделать ее ярче во многих отношениях и содержательней. Но этот шанс появляется скорее у тех, кто потерпел крушение в личной жизни и вынужден пересматривать жизненные позиции. И здесь на помощь опять приходит психолог или психоаналитик, способный вернуть человека к вечным ценностям и возродить в нем вкус жизни.

Аннотация

В работе рассматриваются сексологические аспекты феномена нарциссизма. Показана эволюция этого понятия из сферы сексуальных извращений для обозначения влечения к собственному телу, к универсальному механизму трансформации полового влечения во влюбленность. Приведены данные о некоторых нейрохимических и нейро-физиологических механизмах нарциссической влюбленности у человека.

Ключевые слова:

Дарвинизм, психоанализ, сексуальность, научный прогресс, сексология, генетика, эволюционная психология, нарциссизм, любовь.

Summary

The following article analyses the sexological problems of the narcissism-phenomenon. The author describes the evolution of this notion: from the original meaning of love to the person's own body (a sexual deviation) to the meaning of universal mechanism of transformation of sexual desire into infatuation. Some data on neurochemical and neurophysiological mechanisms of human narcissistic infatuation is given.

Keywords:

Darwinism, psychoanalysis, sexuality, scientific progress, sexology, genetics, evolutionary psychology, narcissism, love.